

ДЕВУШКА из НАГАСАКИ

БИРЕНДРА БХАТТАЧАРИЯ

Индийский писатель

ОНА проснулась как от толчка. Ей казалось, что она спала очень долго, целую вечность. Она сразу же вспомнила: сегодня девятое августа — необычайно важный день в ее жизни, день ее свадьбы. Дядя и тетя — ее единственные родственники — уже закончили все приготовления. Дату бракосочетания назначил настоятель храма — после забавных астрологических исчислений и переговоров с ее родными. Был готов и свадебный наряд: подруга швея сшила чудесное шелковое кимоно. Ей советовали надеть на свадьбу американские туфли гранатового цвета, но она решила по-другому: в этот необыкновенный день лучше быть в национальной одежде, в одежде своей страны. Она отказалась и от косметики. Тетя возражала: японские девушки всегда пользуются косметикой, придающей им еще больше очарования. Но она настояла на своем. В одном только ей пришлось уступить — сделать модную причудливую прическу. Эту ночь она спала на «деревянной подушке» — маленькой скамеечке, чтобы не помять волосы.

Нет, она совсем не похожа на многих своих сверстниц: ей всегда были чужды модничанье и кокетство. Но, конечно, она соблюдает приличия и войдет в дом жениха в подобающем невесте наряде. Ведь там устраивается свадебное торжество, и по этому случаю жених и его друзья отправились далеко в море на лов праздничной рыбы — огромных серебристых тунцов.

Длинные красные лучи пролились через маленькое окошко, окрасив ее лицо в цвет розы. Ночной мрак отступал перед радостным светом утра. Внезапно словно наяву перед ней встало лицо Судзуки... Оно было спокойным и торжественным — лицо артиста, которому вот-вот предстоит выйти на сцену и сыграть самую важную за всю жизнь роль. Ее жених был первым актером местного театра, любимцем публики. Она увидела его год назад в спектакле «Воин не вернулся с поля битвы». Зрители, покоренные его искусством, сидели не двигаясь, не отрывая глаз от сцены.

Это было год назад. «Девятого августа...» — прошептала Фумико Нарахара. Два этих слова были ее талисманом.

Она встала, убрала циновку и подушки. Прибравшись в комнате. Теперь можно было идти в кухню...

За стеной чей-то грустный и красивый голос пел старинную песню:

*В море мы были на утлой ладье,
Нам волны огромные смертью грозили...
Но снова спокойна даль голубая,
С песней к заветному берегу мы поплывем!..*

Она слушала затаив дыхание. Слова этой песни, звучащей в золотисто-нежном сиянии утра, казалось, несли ей надежду. В конце концов, все ее прежние беды теперь позади. Скоро и она будет счастлива. Лицо ее осветила радостная улыбка... Неожиданно она увидела, что кто-то смотрит на нее и улыбается тоже. Это был ученик Будды — Махакасьяпа, фреска с изображением которого украшала ванную. Он улыбался своей загадочной улыбкой. Когда-то странствующий буддийский монах рассказал ей историю этой улыбки. Она родилась в Индии на устах Будды. Когда Будда беседовал со своими учениками, к нему подошел царь Брахма и, поднеся золотой лотос, попросил взамен назвать главную добродетель человека. Будда взял цветок, приблизил его к своим глазам и погрузился в созерцание. На лице его появилась улыбка. Ее именуют на священном языке словом «вади», что означает «говорящее молчание». В ней и был ответ на вопрос: «шаби», то есть «мир», или «путь мира».

Вернувшись в свою комнату, Фумико открыла сундучок и достала свадебное кимоно. На глаза ей попало другое кимоно, что лежало на самом дне. Она надевала его еще девочкой. Оно сразу напомнило ей тот страшный день, так изменивший всю ее жизнь...

Фумико торопливо оделась и подошла к священной нише — токономо. На алтаре сверкал утренней свежестью чудесный оранжево-желтый цветок. Она знала — это подарок и знак внимания тети. Цветок приветливо улыбался ей. Но Фумико не ответила на его улыбку. Она упала на колени у алтаря и горько, как ребенок, разрыдалась:

— Где ты, мама, моя дорогая мама? Где ты, отец? Придите на свадьбу вашей дочери с Судзуки... Какая же это будет свадьба без вас?..

Когда слезы ушли с ее глаз, она снова взглянула на цветок. Он по-прежнему ей улыбался. Казалось, никакие земные тревоги не могли нарушить его безмятежной радости.

Фумико попыталась отогнать от себя горькие мысли. Торопливо вышла из дому... Через четверть часа она уже стояла на берегу моря. К ногам ее с ласковым рокотом ложились спокойные голубые волны. Море!.. Она всегда чувствовала в нем частичку самой себя. В детстве она уплывала в его просторы на рыбацкой лодке — родители часто брали ее с собой на рыбную ловлю. Это были дни, полные радости и необыкновенных впечатлений. Случалось, что у кого-нибудь на блесну клевала огромная рыба. И тогда происходило настоящее сражение. Немало нужно было мужества и силы, чтобы укротить неистовствующего гиганта... Море всегда было ее другом. Подолгу простаивала она у самой воды, забыв о горячем солнце полдня, и наблюдала за веселой игрой рыбок в водорослях, любила собирать в песке ракушки и цветные камешки.

Совсем рядом был порт. Сюда приходили большие корабли из далеких-далеких стран; они протяжно гудели, возвещая о своем прибытии, и будоражили воду в заливе. Волна наплывала за волной, танцевали у берега лодки; странное волнение охватывало ее, и она тоже танцевала в одном ритме с волнами.

Фумико старалась совсем не вспоминать о военных годах — слишком тяжелые это воспоминания. И все-таки прошедшее всегда было с ней. И вот теперь, словно убегая от чего-то, она быстро поднялась по узкой тропке на высокий обрывистый берег. Отсюда было недалеко до маленькой мастерской, где шьют кимоно. Вот уже девять лет, как она — портниха. И эта работа не только кормит ее, но и помогает ей забыть. Работать приходится много, часто даже по ночам.

Больше всего ее угнетало одиночество. Она видала: дядя и тетя заботятся о ней. Но ведь у них самих дети, им есть кого любить и без нее. Что если их хорошее отношение к ней — только жалость?.. В доме дяди Фумико чувствовала себя чужой и одинокой.

Но теперь все изменится. Судзуки, ее верный друг и защитник, всегда будет с ней. Дни ее снова станут такими же безоблачными, как в далеком детстве. К ней снова вернется радость... Сразу же после свадьбы — Судзуки уже обещал ей это — они уплывут далеко в море на рыбацкой лодке...

* * *

Сидя за столиком в ожидании официанта, она раздумывала, что ей заказать. Деликатесы были ей не по карману. Но сегодня она решила попить:

ее путешествие к берегам страны счастья уже близится к концу, она вправе отпраздновать благополучное завершение нелегкого пути. И она заказала рыбу, соус из морских водорослей, жареную каракатицу и рис.

Когда небольшое пиршество было окончено, она подошла к стойке, чтобы расплатиться. За стойкой висела картина: большеглазая гейша в цветном кимоно печально взирает на неказистого клиента.

Фумико уплатила по счету и вышла на улицу. Навстречу ей шла тетя. Старушка была чем-то расстроена.

— Нас постигло большое горе, Фумико... Большое горе... Ах, какое несчастье!..

— Какое горе, тетушка? Говорите же, что случилось? Говорите!.. — испугалась Фумико.

— Пойдем, дорогая. Я все расскажу тебе по дороге. — Тетя беззвучно плакала.

Фумико молча последовала за ней. Теперь она уже боялась о чем-либо расспрашивать.

Так, не произнеся ни единого слова, будто актеры пантомимы, они дошли до автобусной остановки.

Тетя привезла ее в госпиталь. У дверей одной из палат сидела дежурная сестра. Она попросила их подождать: доктор у больного, сейчас он выйдет. Фумико ничего не понимала.

— Тетушка, зачем мы здесь? Кто заболел? — растерянно спрашивала она. Тетя обняла ее:

— Мужайся, дочь моя... Это... Судзуки... Судзуки... Ты слышишь?

Фумико смотрела на нее неподвижными, широко открытыми глазами. Казалось, она и вправду не слышит.

— Ты ведь знаешь, дорогая... Судзуки... Он и его друзья были в море... Они ловили рыбу для праздничного стола... И вот вчера они вернулись...

— Но почему, почему он в больнице? — Фумико едва не рыдала.

— Он заболел, дочь моя... Заболел какой-то страшной, невиданной болезнью. У него выпадают волосы... Он ничего не может есть... Врачи подозревают, что... — Старая женщина не могла больше говорить. Немного успокоившись, она продолжала:

— В прошлом месяце американцы испытывали на одном из островов — я не помню его названия — свою новую водородную бомбу. Радиоактивный пепел после взрыва разлетелся на восемьсот миль... Судзуки был в море... Врачи встревожены, очень встревожены...

— Врачи встревожены?.. — словно в полусне переспросила Фумико. Но тут же из груди ее вырвался полный боли душераздирающий крик. Она долго не могла успокоиться.

Радиоактивный пепел! Вот отчего заболел Судзуки, заболел ужасной, почти неизлечимой болезнью. Никто не знал, выздоровеет он или нет. Страшная болезнь не пощадила и его товарищей.

К Фумико подошел врач.

— Его сегодня же отправят в Токио... Мы сделали все возможное, все, что в силах науки... Эти американцы играют с нами в дьявольскую игру. Их проклятая бомба уже убила семьдесят тысяч людей в нашем городе... И почти столько же искалечила... Теперь вот это...

Фумико слушала, напрягая все силы, чтобы не разрыдаться снова. Ей казалось, что устами этого человека в белом халате говорил весь народ, миллионы маленьких людей Японии, которые так жестоко пострадали от американских атомных бомб и все еще продолжают страдать...

— Как же мне теперь жить, доктор? — тихо спросила она. — Одна атомная бомба отняла у меня отца и мать, теперь другая отнимает мужа...

Доктор молча положил руку на ее плечо.

* * *

Через неделю из Токио пришло известие: Судзуки умер в госпитале от лучевой болезни.

В этот вечер в доме не было никого. Фумико надела свадебное кимоно и новые туфли. Безучастными глазами глянула на алтарь.

Мир был для нее огромной безжизненной пустыней.

Она пошла по саду... Сорвала цветок хризантемы... И вдруг поняла: «Море! Надо идти к морю!»

Она долго бродила по берегу, по дышащему сыростью песку. Время, казалось, остановилось, желания умерли. Она не знала, зачем она здесь, смотрела вокруг — и ничего не видела... Но вот взгляд ее упал на выросшие вдруг и грозно зарокотавшие волны. Прибой!.. У ног ее, дружелюбно предостерегая, распластался первый огромный вал. Еще несколько секунд — и море с тяжелым вздохом сожаленья ринулось на берег. Волны клокотали и кипели. Казалось, кто-то разжег на дне тысячи погребальных костров...

Она стояла на месте не двигаясь. Невидимые часы отсчитывали последние мгновенья жизни. Холодная волна ударила в колени, лизнула лицо... Теперь Фумико знала, для чего она здесь: еще минута — и море примет ее в свои объятия, унесет далеко — туда, где навсегда забудутся все ее печали и беды.

С отчаянным усилием она сделала шаг вперед.

И в этот же миг совсем близко от нее раздался голос:

— Беги назад! Скорее же! Скорее!

Она хотела броситься навстречу надвигающейся гигантской волне. Но ноги, словно чужие, не подчинились ей.

И снова тот же голос настойчиво позвал:

— Назад! Скорее назад! Не умирай! Возвращайся!

Рисунок А. Васина

Она вдруг повернулась и побежала обратно. Сколько она бежала, она не помнит...

Когда она открыла глаза, было уже утро — тихое и спокойное. Клокочущие, грозные волны моря, таинственный призывный голос — все это, казалось, было во сне.